

КАК ДЕЛАЕТСЯ СПЕКТАКЛЬ,

или перед новой встречей с адъютантом его превосходительства

СМОТРЕТЬ черновую репетицию спектакля все равно, что заглядывать через плечо поэта в момент создания нового стихотворения: вычерки, поправки, десятки вариантов — одной строки, лишние пера — и летит в небытие целая строфа. Только в театре вместо листа бумаги — сцена, и варианты разыгрывают живые люди. А что остается для истории? Не рукопись в литературном музее, где виден процесс творчества, а воспоминания о готовом спектакле. Успех, неудача...

Но пока зритель встретится со спектаклем, черновая его «рукопись» в самом деле черна от поправок. Сидя в одиночестве в пустом зале, где кресла затнаты белым полотном, вы видите слабо освещенную сцену с оголенными колоннами, нескрепленные астанды бугорков, колонн, стульев, которые изображают все, что угодно, — от седовой скамьи до пюпитера. Между этими стульями вполне безбоязненно движутся артисты в повседневной своей одежде. Кто-то шалит кого-то локтем, отбрасывают приемом на пол. Раз, и еще раз, и еще. Сбоку пристраивается девушка с раскрытым сценарием. Режиссер-постановщик, таяла на эту куртку, толкает почти безмятежными голосом:

— Сест! Нет. Костюм не тот. Да вдобавок еще в театре идет ремонт на ходу. И из зала слышится громкий женский голос:

— Ты ходила на премьерку смот?

— Ходила, — отвечает со сцены густой бас.

На фоне расписанного голубым задника движутся вверх

и вниз какие-то черные шты. — Товарищи! Самого морить не нужно, только мундирный! Так идет до тех пор, пока режиссер не произнесит, наконец, традиционное:

— Ну, поехали!

Музыка, гудки паровозов. Примерный бульвар. Все это, пока, конечно, в воображении. — Угостите напирского, ка! валя! Какой вы мучнистый цыпур...

— Стой, Галя! Стой! — поднимается режиссер на сцену. — Естественно, живее, вот так. Попробуйте еще. — Угостите напирского...

— Это уже лучше, повторим. Как это ни забавно, самый серьезный упрек актеру на репетиции звучит так:

— Это как в театре!

Это значит: банально, неестественно, крикливо, без нотаций толком, с избытком жесткой, для публики, а не для партера, и т. д. И чтобы пришло полнотное искусство театра, раздается вновь и вновь непрерывное режиссерское:

— Повторим еще разок. Вот так! Пожарать тут. Еще раз. Не играть, а хондирацию — прятаться. Действовать, действовать, не играть. Так, внимание, теперь с самого начала всю картину!

Ок, неслеток он, актерский талант! Десять потов — ах, как гипербола в последняя цена на той радости, которую мы испытываем однажды, — прядя на премьеру, чтобы увидеть на сцене тонного и естественного, как всегда, в своих движениях Голуборосло, протестную в своей искренности Могилеву, слово просветленную изнутри Шериневу, нестареющего Тарасова, сдержанную и глубокую в переживаниях. Новая,

патетического Банковского, блестящего юмором Кондратьева, колоритного и запоминающегося даже в самой маленькой роли Прохаскского и многих-многох других, чьи имена знакомили в каждом любительском нашем драматическом театре имени М. Горького. А пока — снова музыка, гудки. Примерный бульвар. — Говори, с чем пришел? Выходи! — Вчера суд был, военно-полевой. Выходит, два дня ему осталось...

Да, в этом спектакле зрителям предстает новая встреча с Павлом Андреевичем Кольцовым, отмеченным «Честным, адъютантом его превосходительства генерала Ковалевского». Все, конечно, помнят, при каких обстоятельствах мы расстались с ним в известном телеэкранизации «Дальневосточный адъютант» — спектакль прежде всего как продолжение линии на создание в нашем театре своего, не боясь сказать — оригинального, масштабного репертуара. Крим с его богатейшей героической историей — поистине неисчерпаемый источник для такой заглави. В спектакле «Он был актером» мы рассказали о подвиге творческой интеллигенции в дни минувшей войны. Беспримеченно, мужественно, подпольно — гарнизона будет повешен задушенный нами спектакль о героях Алжирской войны. «Адъютант его превосходительства» стоит в ряду этих спектаклей.

После лауреата Государственной премии РСФСР Г. С. Соколова, написанная им в соавторстве с молодым крымским журналистом О. Соболевым, продолжалась в теснейшем творческом сотрудничестве с театром. И сейчас еще, когда пьеса уже в работе, лопнешься, если необходимо, мы реплики, добавляющие новые штрихи. Нам важно донести до зрителей главную мысль,

зрителей, поставить приключенческий спектакль, пошекатать, так сказать, нервы людей, что сейчас, в сожжении, достаточно молно. Мы залучили этот спектакль прежде всего как продолжение линии на создание в нашем театре своего, не боясь сказать — оригинального, масштабного репертуара. Крим с его богатейшей героической историей — поистине неисчерпаемый источник для такой заглави. В спектакле «Он был актером» мы рассказали о подвиге творческой интеллигенции в дни минувшей войны. Беспримеченно, мужественно, подпольно — гарнизона будет повешен задушенный нами спектакль о героях Алжирской войны. «Адъютант его превосходительства» стоит в ряду этих спектаклей.

После лауреата Государственной премии РСФСР Г. С. Соколова, написанная им в соавторстве с молодым крымским журналистом О. Соболевым, продолжалась в теснейшем творческом сотрудничестве с театром. И сейчас еще, когда пьеса уже в работе, лопнешься, если необходимо, мы реплики, добавляющие новые штрихи. Нам важно донести до зрителей главную мысль,

мысль о величии подвига народа, совершившего и отстоявшего беспримеченно в истории революцию, показать, как Ленинские идеи совершили чудо, в полуразветленные, полуразрушенные, с одной винтовкой на двоих и троих, рабские и крестные, мазотанные на империалистическое божье, победили злопачдну вооруженных до зубов белогардастических и интервентов. Нам хочется воспеть черновую, повелевавшую работу славных солдат Дзержинского — отважных чеховцев. Буквально на голом месте были созданы в свое время ораторы, призванные охранять безостановочность социального государственства. Но у тех, что пришел сюда, был опыт борьбы в царской охранке, толы подполья, терем, конспирации, у них была безграничная вера в правоту своего дела, и перед ними спасовали многочисленные «боги» буржуазной разведки. И, наконец, третья мысль, которая должна прозвучать в спектакле, — мысль о гибельности для человека утраты Родины. Тысячи призывы, обманутые людей оказалась в горькой эмиграции за рубежом, затннутые тудла преступными белогардастическими лидерами. Как открыть им гла-

за, как пырвать знания из рук обанкротившихся политиканов, войти кдн между ними и простыми русскими людьми, понашим в беду? Эта задача стоит перед Кольцовым, когда он, освобожденный из тюрьмы, оказывается в смокинге, подтанутый и непринужденный, в среде белогардастических эмигрантов.

...Идут репетиции. Диалоги, сцены, картины. Генеральная на посу, но до нее ок как еще далеко! А вместе с тем параллельно идет незаметная, но такая необходимая и огромная работа всех чехов театра. Уже давно продуманы и мелчайших деталях и построены макеты декораций. Главный художник театра, заслуженный деятель искусства УССР М. Яковлев вместе с постановщиком обосновали в основу оформления графичность, строгость линий, суровую сдержанность и общечеловечность. Штаб белых — пугающая лоюра, написанная, словно дмавоком меч, пал врагами. Штаб красных — оптимизм нават «Добей Врагели» и четкие силуэты штыков. Константинопольский ресторан «Славянский базар» — помесь турецкого с нижегородским... Готовится бо-

лес восьмьюсот деталей реконструкция — амуниция, оружие. Главная «оружейная мастерская» на Батинской киноулице. В пошпоночных мастерских нмются мушкетеры, шпиглы, дамские платья и дипломатические костюмы. Монтируется новая стереофоническая аппаратура, специальные, электрические приборы. Многие применяют новые световые эффекты: движущиеся облака, туманы. И в пустом зале, внимательно глядя на сцену, сидят музыкальный оформитель спектакля И. Жоринский, мысленно приравляя к отдельным эпизодам музыку Шопана, Шостаковича, Давидкина.

А на сцене все то же, только разле уже более слаженно, отработано, меньше «театральное», но все же...

— Стой! Это надо несколько раз, сто раз прорепетировать! А теперь повторим всю картину сначала!

В. СОЛОВЬЕВ.

...На снимке: рабочий момент репетиции. Слева направо: постановщик спектакля УССР Е. Тарасов и А. Голуборосло, главный режиссер театра А. Номиков.

Фото Л. Яблонского.